

Эмпиредром был расположен над командным мостиком. Огромная, огражденная сфера из усиленного, настраиваемого пси-матричного кристалла, она была известна Адептус Астартес как Магна-Кубиле или «Великое Гнездо». Здесь находилась личная зала для наблюдения за пространством имматериума навигатора «Ангелика Мортис», Альбрука Утрал-Зарагозы Третьего. Сам навигатор находился в псайбер-орле, Аркиласе, в дrome. Огромная птица была произведением искусства с бронзовыми перьями. Она крепко сжимала когтями раму насеста, а его клюв представлял собой хромированный кошмар. Как и члены Дома Связующих, служившие навигатору, Аркилас был слепым. Физическое зрение было небезопасным в этой зале. Лишь варп-глаз навигатора был постоянно открыт, принимая информацию из варпа, и отсутствие глаз у остальных надежно защищало их от влияния имматериума. Трон Зарагозы был установлен на лабиринте рельс, по которым Связующие доставляли его к кристальной пластине дрома, где по периметру располагались линзовые антенны, отражатели, мoгнoкyляpы и телескопы. Нервные рецепторы навигатора были соединены с креслом, что позволяло ему получать доступ к сети рунных дисплеев, пикт-мониторов и гололитических экранов с невероятно длинными комбинациями цифр.

- Проверьте меня, - приказал Зарагоза трем лоботомированным калькулус-логи.

Навигатор продемонстрировал облаченным в рясы помощникам картину расширения варпа и велоцидратические уравнения. Они подтвердили правильность его вычислений. Удовлетворенный, но не впечатленный своими способностями, Зарагоза откинулся в своем кресле и постучал пальцами по подлокотникам. Связующие подошли к нему, неся отполированную металлическую тарелку, накрытую крышкой. На тарелке лежаладохлая крыса, обнаруженная в одной из крысоловок. Навигатор поднял грызуна за хвост. С непроницаемым выражением лица Зарагоза бросил ее Аркиласу. Несмотря на свою слепоту псайбер-орел с грацией хищника поймал зверька в полете. В этот момент навигатор всегда испытывал возбуждение.

- Ты видел его клюв? – обратился он к Связующему, указывая на огромную птицу.

Слуга не ответил, и Зарагоза фыркнул.

- Конечно же нет, - произнес он, обращаясь к самому себе.

Он еще раз постучал пальцами, и к нему подошел второй слуга, неся бокал и бутылку амасека. Связующий наполнил бокал своего господина, и Зарагозу уже приготовился отпить из него, когда палуба начала вибрировать. Инструменты и приборы попадали со стеллажей, а слуга пролил амасек на пол. Аркилас взмахнул крыльями.

- Господин, - Связующий вышел вперед.

Вокруг его темного капюшона был установлен вокс-передатчик.

- Вас вызывает труп-командор Бартемий. Он желает знать причину турбулентности.

- Не он один, - отстраненно произнес Зарагоза.

Навигатор плотно закрыл глаза и открыл третий глаз, расположенный на лбу. Эмпиредром, как и Аркилас с Связующими, стал расплываться. Навигатор словно сошел с ума. Вокруг него колебалось море душ, границы Эмпиредрома растворились. Словно волны разноцветного океана, потоки то поднимались, что опускались. Это было непревзойденное зрелище, ни по своей эпичности, ни по драматичности, и все же, глаз навигатора смог проникнуть в разворачивающееся действо. Вдали Зарагоза увидел божественный свет Астрономикана, серебристого маяка спокойствия в бушующем варпе. Его сигналы проходили через всю психическую вселенную, притягивая навигатора и наполняя его существо ангельским хором необъяснимого блаженства. Лишь по доброй воле Астрономикана Зарагоза мог вести корабль в пространстве варпа. Намного ближе, словно красно-коричневая нить в пространстве варпа, кошмарный регион Ока Ужаса распространял свое безумие, угрожая уничтожить и поглотить Астрономикан. Взгляд Зарагозы был за пределами брони боевого крейсера, постоянной статичности поля Геллера и образований в варпе. Словно невидимое психическое цунами чистой имматериальной энергии врезалось в судно Адептус Астартес. «Ангелика Мортис», словно прущий в лобовую монстр, был не способен на коррекцию курса отклонения вне зоны прыжка из варп-пространства, и корабль продолжал двигаться на суб-световой скорости. Судно совершило множество отклонений на пути в Святой Эталберг. Пока они летели на Цертус-Минор, расположенный на Андронической гряде, за гинтерпространством, колебания в имматериуме стали возрастать, варп становился все более беспокойным. Зарагоза не ожидал такого развития событий в этом регионе, обычно здесь было относительно спокойно. «Ангелика Мортис» некоторое время шла под наклоном, и в этом состоял план навигатора: держать курс так, чтобы крепкий корабль Адептус Астартес проходил прямо через крестообразную поверхность Мальстрема. Навигатор наблюдал как сотни кораблей, сбивались и попадали в гигантскую волну. Зарагоза объяснял Бартемию, что эти корабли были скорее частью эвакуационных эскадр, нежели флотилий или конвоев, сбившихся с курсов. Наблюдая за всем этим, навигатор ощущал беспокойство. Он был опытным навигатором с длинным послужным списком. Но он не мог понять, чем был вызван этот феномен, и, возможно, никогда бы не узнал истинной причины, если бы за второй волной не последовала еще более крупная, чем первая. Зарагоза открыл один глаз и изучил информацию на рунном дисплее, отображающем показания с лопастей «Ангелики Мортис».

- Течение в разрыве Вон Димен, - бормотал он, - круговой психиклон Ферриер, валаховая светосила, каскадное Боргнино, Парацельсус Гирез...

Навигатор выглядел удивленным.

- Все показания верны.

Зарагоза застыл, погружившись в мысли. Его брови медленно поползли вверх. Потянув за рычаг, навигатор развернул трон, чтобы оказаться напротив кормы судна.

- А вот и ты, - произнес он, подняв тонкую руку.

Его слуга подал ему пару псиоокулярных могокуляров. Подняв вторую руку, он приказал

слугам отвезти его к огромному телескопу. С помощью псиокуляра и смотрового стекла Зарагоза изучал объект, привлечший его внимание. Навигатор видел его несколько раз, но на достаточно большом отдалении, чтобы идентифицировать природу, класс и размеры. Объект казался короткой вспышкой в Мальстреме Хаоса и мог быть чем угодно. Он то возникал, то исчезал, заставляя Зарагозу верить, что это мог быть просто какой-нибудь огромный зверь варпа или демоническая сущность, пытающаяся прорвать интерпространственные барьеры реальности. В каждом случае он делал заметки в журнале передач, но, полагая, что эта информация не представляет особой важности, навигатор не докладывал о ней труп-командору Бартемию. Сдиратель слепо исполнял приказы и не утруждал себя деталями. Но теперь Зарагоза видел совсем иную картину. Навигатор с трепетом взирал на объект. Усиленные линзы позволяли ему определить его истинные пропорции. Взяв один из кабелей, лежавших на столе позади него, Зарагоза подсоединили его к одному из множества портов для импульсной связи с разумом, расположенных на тыльной части его головы.

- Запись в журнал передач, - произнес навигатор, обращаясь к безмолвному слуге, появившемуся позади, держа в руках информационный планшет. - Неизвестное судно, появившееся из Осфорен Флюкс и следующее тем же курсом, что и мы. Сигнатуры корабля отсутствуют, но, судя по строению и размерам, он относится к классу древних. Пропорции... сложно определить с помощью имеющегося оборудования. Но я могу с полной уверенностью сказать, что это самый большой корабль, который я когда-либо видел, и, даже на такой отдаленной дистанции, с неточным оборудованием, я полагаю, что площадь судна - приблизительно шесть или семь квадратных километров. Крупнее, чем Лентиго, крупнейшей луны Эскары.

Связующий ввел данные в журнал. Зарагоза покачал головой. Объяснение турбулентности и колебаний в регионе теперь было очевидным. «Ангелика Мортис» попала под влияние имматериального слияния, созданного эфирной волной и псисмическими колебаниями, исходящими от огромного судна.

- Открыть вокс-канал связи с мостиком, - приказал Зарагоза. - Проинформируйте труп-командующего Бартемия, что воздушные условия ухудшаются, но я нашел источник турбулентности. Скажите ему, что я перешлю картинку, и он не поверит своим глазам.

Цертус-Минор. Мир-кладбище.

Почтенная «Перчатка», ускоряясь, удалялась от «Ангелики Мортис», в сопровождении оборонительного судна «Апотеон», крупного некро-фригата и небольшой эскадрильи скоростных торговых кораблей. На поверхности местного озера отразился силуэт пролетающей боевой машины. Как и все «Громовые Ястребы» Сдирателей «Перчатка» была испещрена царапинами, дырами от попаданий болт-снарядов и следами выстрелов из лазпушки, и, несмотря на то, что корабль подлатали, рядом с этими боевыми отметками присутствовала гравировка с указанием даты и места, где были получены эти повреждения. Будучи старейшей боевой машиной пятой роты, «Перчатка» была предметом гордости боевых братьев, несмотря на то, что некоторые Сдиратели сетовали на периодические поломки в связи с почтенным возрастом машины. Слегка задрав носовую часть, «Громовой Ястреб» пересек реку и оказался над замощенной поверхностью. Надгробные плиты, склепы и статуи различной степени мастерства практически громоздились друг на друге, усеяв весь ландшафт. Подземелья, мавзолеи и частные склепы вереницей выстроились за арками, по размерам уступая только

могилам основателей и некрополисам благородных семей. Образовав пылевой шторм с частицами песка, «Перчатка» поравнялась со входом в усыпальницу. Кладбищенские сектора и могильники пересекались с некрополисами и лабиринтами усыпальниц с доступом к частным могилам и склепам. На перекрестках выстроились лачуги могильщиков, каменщиков и их семей. Снижаясь, «Громовой Ястреб» выпустил шасси. Перед «Перчаткой» раскинулся единственный метрополис на этом мире. На этой планете приоритет отдавался кладбищенским территориям, а города рассматривались как оставшаяся за оградой часть земли. Именно поэтому город Обсека был достаточно тесным для проживавшего там населения. Кластер звонарен и шпилей выдавал влияние Екклезиархии в этом городе, соборы и базилики, храмы и цитадели – соревновались между собой, чей шпиль первым достигнет неба. В самом сердце обители поклонения, словно ворон, накрывающий метрополис сверху, возвышался мемориальный мавзолей Умберто II – крупнейшее и самое высокое здание в городе Обсека. В мавзолее хранились останки Умберто II, бывшего екклезиарха и Верховного Лорда Терры. «Перчатка» начала снижение. «Громовой Ястреб» приземлился на единственное открытое пространство в городе. Заполненный множеством колоколен, космопорт имени Умберто II представлял собой небольшую посадочную площадку для могильных лихтеров и шатлов. Как только шасси коснулось поверхности, рампа «Перчатки» опустилась вниз, позволив отделениям Цикатрикс и Кастигир рассредоточиться по поверхности. Десантники тут же приняли оборонительное построение, взяв болтеры наизготовку. Керш приказал быть бдительными, как только они покинут транспортник. Имея представление о проклятых монументах, посвященных темным богам, и активности культистов на мире-кладбище, труп-капитан хотел избежать любой неожиданности. Все, о чем знали Сдиратели – еретики могли захватить космопорт и приготовить засаду для космических десантников. Никто в пятой роте не хотел повторения Игнис Прайм и хребта Крюгер. Керш сделал шаг по брусчатке из рокрита. Окружавшие посадочную площадку святилища и соборы с высоченными башнями представляли собой улей в миниатюре. Керш взглянул на пикты, которые он держал в руках. Эзраки последовал примеру труп-капитана и бросил взгляд на свой пикт.

- Что это за снимок? – спросил Эзраки.

- Это псиоокулярный снимок, сделанный в Эмпиредроме, - ответил Керш, когда космические десантники двинулись вдоль площадки. – Вид из хвостовой части. Редактированный капелланом Шадратом в рамках политики духовности. Снимок сделан в увеличенном разрешении.

За ними следовали сам капеллан, эпистолярый Мелмох и технодесантник Данкред. Эзраки передал пикт библиарию и принял следующий из рук Керша. По рампе загрохотали гусеницы мобильной оружейной установки. Первыми наружу высунулись стволы «Громобоя», затем последовал сам механизм передвижения. Броня установки была выкрашена цветами Ордена Сдирателей с множеством выгравированных инструкций, знаком Механикум и именем: «Каратель». Следуя за технодесантником, словно покорный пес, пушка, ведомая духом машины, двигалась по поверхности площадки. Данкред передал команды на лингва-технис «Громобоем» и сервитору-заряжающему, приказав им следовать за ним.

- Вряд ли это судно, - прокомментировал Эзраки.

- Навигатор Бартемия думает иначе, - произнес Керш.

- Может это тварь варпа? – спросил Мелмох. – Они, например для меня, похожи на крылья.

Он передал пикт технодесантнику. Шестеренки на лицевом щитке шлема Данкреда разошлись в стороны, десантник остановился, внимательно вглядываясь в пикт.

- Это – судно, - подтвердил он. – Древнее, устрашающее и великолепное. Империи не строил суда такого размера и формы уже многие тысячи лет.

- Навигатор Бартемия согласен с этой точкой зрения. Он полагает, что это какой-то скиталец, навечно потерянный в варпе. Я приказал «Импунитасу» наблюдать за точкой выхода в реальное пространство, с одной из лун близнецов, на краю системы. Они сообщат нам, если какой-нибудь корабль возникнет на горизонте.

Брат-контего Мика, прошел вперед тяжелым, но уверенным шагом. Мика стал новым чемпионом пятой роты. Его предшественник отдал жизнь, защищая труп-капитана Тадеуса на хребте Крюгер. Мика был молодым воином для такой должности, но обладал бесстрастным, холодным рассудком. Он был одаренным стрелком и серьезно относился к обязанностям чемпиона. Мика, как и все в пятой роте, был недоволен повышением Керша, но внимательно изучил его приказы и предложил практичные идеи по тревожным протоколам и протоколам безопасности пятой роты на Цертус-Минор. Как и многие его братья, он был настроен не попадаться в ловушки Альфа Легиона, даже если придется защищать Захарию Кершу. Мика держал свой боевой щит прямо перед собой, уперев люльку болт-пистолета чемпиона в верхний край щита. Двигаясь впереди, чемпион постоянно закрывал собой труп-капитана от возможных противников.

- Скиталец – не нашего ума дела, - прошипел капеллан Шадрат.

- Как бы я хотел, чтобы это было так, капеллан, - произнес Керш, остановившись и развернувшись к капеллану.

Сдиратели остановились.

- Как и ты, я жажду быть на мире Роршах. Однако протокол предписывает четкий алгоритм действий на этот случай. Мы связаны договорами с Адептус Механикус и Ордо Ксенос Карта Контагио. Любые скитальцы, появляющиеся в пространстве Империи, должны быть тщательно изучены.

- Но есть приоритеты...

- Именно, - согласился Керш, - но я располагаю отчетами о пиратских атаках, предоставленных торговым судном «Звезда Авигнора», бои в астротелепатической связи также могут быть связаны с деятельностью Альфа Легиона в регионе. А также скиталец может быть связан с порчей Хаоса на этом мире Экклезиархии. Наши таланты относятся к сверхчеловеческим, капеллан Шадрат, не к сверхъестественным. Мы не можем быть везде и сразу.

- Труп-капитан, - вмешался брат Торалех.

Космический десантник поднес палец к шлему.

- «Перчатка» передала вокс-сообщение с «Ангелика Мортис». Труп-командор Бартемий запрашивает разрешение убрать крейсер с низкой орбиты для проведения профилактических работ.

- Отказано, - спокойно ответил Керш. - «Ангелика Мортис» останется на позиции.

Кнут смерил капеллана взглядом, прежде чем развернуться и продолжить движение. Торалех передал сообщение, уперев край древка стяга в рокрит и одновременно прижав дуло огнемёта к усеянному боевыми повреждениями наплечнику.

Попадавшие на пути каменщики прекращали разгрузку саркофагов и наблюдали за проходящими мимо гигантами. Делегация священников, сопровождаемых почетной гвардией местных сил самообороны, войдя в главные ворота космопорта, направилась к десантникам.

- Приветствую вас, великие воины, - произнес священник, опустив глаза.

Он склонил голову, на которой красовалась митра, полы ярко-красной одежды священника развевались на ветру.

- Я - Васко Ферейра, главный магистр погребальных процессий. Мы получили весточку, первую за долгое время, от его сиятельства кардинала Понтиана из Святого Эталберга о том, что помощь в пути. Мы и не надеялись, что сами ангелы Императору почтят нас...

- Магистр, - прервал его Керш.

- Господин? - опасливо отозвался священник.

- Кто ваш начальник? - спросил труп-капитан.

- Я подчиняюсь понтифику, - произнес Ферейра, - как и все богобоязненные жители Цертус-Минор.

Керш смягчил тон, сопровождая следующие слова улыбкой.

- Прошу вас отвести нас к нему.

- Конечно, ваша светлость. Тысячи извинений, - пролепетал Ферейра.

Сдиратели двинулись вслед за священником в сопровождении бойцов Похоронной Гвардии, облаченных в защитные щитки, мантии и шляпы с перьями. Они представляли собой мрачную картину, все в черном, с церемониальными лазмушкетами в руках. Торжественная атмосфера сохранялась и за пределами космопорта, когда процессия двигалась по продуваемым аллеям и крутым ступеням города. Стены, вокруг них, достигали небес. Постепенно, перед Адептус Астартес, стали появляться небольшие храмы с арками и фенестрами, где Сдирателей встречали собравшиеся цертусианцы. Жители мира-кладбища взирали на них со сдержанным уважением и любопытством. Они были похожи на молчаливое море худых лиц, жители, рожденные в лоне Экклезиархии: церковнослужители, церковные старосты и монахини. Периодически попадались и обычные проповедники, творящими в воздухе знаки и аквилы и произносящие благословения.

На небольшой площади, на окраине города, Сдирателей ожидал барбикан мемориального мавзолея Умберто Второго, с множеством арок. Колонны величественной усыпальницы были огромными и высокими, а темнота подземелья словно притягивала как пилигримов, так и клериков. Две сестры битвы, облаченные в керамит темно-синего цвета и вооруженные тяжелыми болтерами с лентами снарядов, охраняли вход. Рядом с аркой возвышался механический кошмар, машина кающегося, в которой находился жалкий, изнуренный грешник. Распятый несчастный в данный момент находился в состоянии покоя. Керш попытался представить, какой урон могла бы нанести эта машина своими механическими конечностями, цепными кулаками и тяжелыми огнеметами. Более скромно, по сравнению с мавзолеем, выглядел так называемый «Обелиск», официальная резиденция Понтифика-Мунди. Дворец находился напротив мавзолея, вдоль площади поклонения. Технодесантник Данкред остановился, приказав установке и сервитору сделать то же самое.

Приемные покои экклезиарха располагались под огромным колоколом на верхушке дворца, и со своего балкона понтифик видел не только крышу мавзолея, но и пирамидальные шпили Обсеки.

В покоях дворца царила темнота и мрачная атмосфера, Керш заметил, как прислуга и помощники священников то появляются, то исчезают, в темных закоулках. Ферейра отделился от процессии и присоединился к пестрой толпе святош. Среди них Керш снова увидел своего призрака с его буравящими душу труп-капитана глазницами. Фантом молча наблюдал за Кершем, сохраняя невозмутимое спокойствие.

Понтифик Олифант стоял на балконе. Повернувшись к гостям, экклезиарх, с наполовину улыбающимся выражением на лице, двинулся к Сдирателям, с усилием передвигая конечности. Когда он приблизился, Керш понял, что понтифик страдает от паралича. Одна половина лица добродушного Олифанта была искажена, словно кошмарная маска, одна из его ног не двигалась, и понтифика приходилось волочить ее за собой, а рука, с противоположного бока, свисала, словно плеть. Он был одет в обычный стихарь и сандалии, без церемониального пафоса, который ожидал увидеть Керш. Он даже не носил митру. Труп-капитан отметил редкие тонкие волосы экклезиарха и капли пота над бровью. Даже стоячая поза давалась ему с огромным трудом.

- Понтифик, - произнес Керш, протягивая бронированную перчатку.

Олифант был сравнительно молод для его поста, несмотря на бремя, навалившееся на него, и очевидную немощь.

- Ангел, - произнес Олифант, сжимая керамитовый палец десантника.

Керш почувствовал облегчение еkkлезиарха, отразившееся на наполовину онемевшем лице понтифика.

- Наши молитвы услышаны. Я знал, что вы придете. Бог-Император посылает к нам своих сынов. Настоящее благословение свыше.

- Понтифик, - начал Керш, - Я - Захария Керш, труп-капитан пятой роты. Я принес добрые вести от магистра Ордена Сдирателей Ишабольда. Он прислал нас в помощь, как гарантию договора со Святым Этелбергом.

Олифант собрался заговорить, но, неожиданно, его повело в сторону. Думая, что еkkлезиарх падает, Керш схватил его за плечи.

- Трон понтифика, - крикнул Фереира, и двое монахов тут же подкатили к Олифанту кресло-каталку. Усадив понтифика в кресло, Керш сделал шаг назад.

- Благослови вас Император, - обратился Олифант к Кершу и Ферейре.

- Понтифик, - продолжил Сдиратель, - я был краток с вашими коллегами, буду краток и с вами. Мы отвечаем на зов лишь раз, и в вашем распоряжении - половина роты Адептус Астартес.

Олифант попытался улыбнуться.

- Мы лишь крупница Империиума и не хотим причинять неудобства, - произнес понтифик.

- Это не неудобство, понтифик, - произнес Керш, - но наши враги - легион, распространяющийся по галактике, словно вирус. Мы хотим выполнить свою задачу и без промедления покинуть это место.

- Конечно, - согласился Олифант. - Позже я представлю вам своих клериков. Возможно, я смогу убедить вас присутствовать с нами на молитве Богу-Императору, на рассвете, труп-капитан.

- Это вряд ли, понтифик.

- Ну тогда хотя бы благословение, дабы поддержать ваши усилия и защитить вас и ваших

ангелов во время осуществления воли Бога-Императора. Разве не он сражается на нашей стороне?

- Наши болтеры – лучшая защита, - ответил Керш. – И как я уже заметил, мы вряд ли останемся здесь до рассвета. Если здесь есть зло, мы должны без промедления уничтожить его. Еще большее зло ожидает нас после этой миссии, на других мирах, а мы не привыкли заставлять врагов Императора ждать.

- Что ж, - наконец произнес Олифант, слабая улыбка застыла на его лице, - посмотрим, сэр. Позвольте тогда представить вам представителей сил обороны этого мира. Я думаю, они лучше просветят вас в детали миссии.

Три фигуры выступили вперед из темного угла помещения.

- Позвольте представить вам высшего констебля Колкухона из Похоронной Гвардии, палатина Сапфиру из Ордена Августейшей Стражи и проктора Краски из силовиков.

- Это честь для меня, - хрипло проговорил Колкухон.

Он сдержанно отсалютовал Сдирателю, приложив руку к козырьку своей украшенной перьями шляпы, и убрал руку за кобуру своего офицерского лаз-пистолета. На неприветливом лице палатина Сапфиры отражалось явное недовольство. На ее синей силовой броне, с обеих боков, покоились два болт-пистолета модели «Гудвин-Диаз». Сапфира непроизвольно сжимала серебряную аквилу, свисавшую с цепочки у нее на шее и буравила Сдирателя взглядом своих темных глаз.

- Боюсь, понтифик переоценил нашу роль, - произнесла она стальным тоном. – Моя миссия здесь заключается только в охране останков Умберто II и мемориального мавзолея.

Керш ранее уже сталкивался с Орденом Августейшей Стражи на атакованном генокрадами мире-храме Аламар, где сестры этого Ордена отвечали за эвакуацию костей святого Константина перед Экстерминатусом. Их Орден Минорис специализировался исключительно на охране реликвий Экклезиархии и священных мест культа. В отличие от расфуфыренного офицера Похоронной Гвардии и сестры битвы, Краски был закаленным ветераном.

Арбитр с многолетним опытом, он был ответственен за поддержание порядка и контроль исполнения Имперского Законодательства на мире-кладбище, в его распоряжении находилась всего лишь небольшая горстка людей. Его седая борода двигалась в такт с его челюстью, пережевывающую табак, а бионический глаз смотрел прямо на Керша. Его бронированный щиток был помят и выглядел поношенным, а полы шинели были покрыты пылью и землей, землей Цертус-Минор. Однако боевой дробовик, перекинутый через плечо, был начищен и смазан, что указывало на особое отношение к этому оружию.

- Слова – для поэтов и священников, - произнес Краски, пережевывая табак. – Я отведу вас

прямо к карантинной зоне, и там вы сможете лично увидеть работу зла.

Кнут кивнул.

- После вас, проктор, - произнес он, в душе благодаря арбитра.

Труп-капитан проникся уважением к этому силовику.

Служанка Марика слепо выполняла свои священные обязанности, куда входило сопровождение Высшего Лорда Алмонера по узким улочкам и закрученным лестницам Обсеки. Высший Лорд Алмонер также выполнял определенную задачу: перераспределение благосостояния. Адептус Миниторум собирал с цертусийцев налоги, и их требования были жесткими. Марике нравилась ее роль, вместе с двумя другими монахинями она раздавала монеты бедным и нуждающимся во время официальных процессов с участием Алмонера. Марика раскручивала кадило на серебряной цепочке, окружая себя и подвижную платформу лорда Алмонера ароматной дымкой. Эти благовония напоминали обычным жителям Имperiума, что Бог-Император приглядывает за ними. Аромат всегда действовал расслабляющее на Марику, и монахиня находилась в полумечтательном состоянии во время шествия. Пересекая кладбищенскую аллею Святого Ланфарнка, она оказалась в самой гуще ароматного тумана, Марика остановилась, чтобы протереть слезящиеся глаза. Когда туман рассеялся, а слезы перестали идти, она стала свидетелем величественной картины. Маршируя вдоль аллея, мимо нее прошли полубоги, облаченные в броню, гиганты из легенд античности, обожествленные смертными на плитах соборных строений. Марика не могла поверить собственным глазам. Адептус Астартес. На Цертус-Минор. Ее взгляд блуждал от шрамов на их мужественных лицах до царапин на их доспехах и убийственного оружия. Огромные мини-пушки. Чрезвычайно острые мечи в ножнах, начищенные до убийственного совершенства. Толстые штифты. Огромные руки. Закованные в керамику и наполненные мощью самого Бога-Императора.

- Сестра Марика!

Пробуждение. Гнев.

Адептус Астартес исчезли из ее поля зрения. Монахиня стояла в полном одиночестве.

Канцлер Гильгус направлялся в ее сторону, на пути разгоняя остатки дыма.

- Марика, где, во имя Терры, ты была? – рявкнул он. – Платформа остановлена. Бедняки ждут. Лорд Алмонер в гневе.

Цепочка с кадилом начала раскручиваться, набирая скорость. Канцлер сделал еще несколько шагов в сторону монахини.

- Прекрати это, дитя, - приказал он.

Монахиня Марика осталась стоять на месте, продолжая раскручивать цепочку, из кадила повалил дым.

- Да что с тобой? – снова спросил канцлер.

С ее лицом было что-то не так. Когда он подошел к ней вплотную, дымка рассеялась, и канцлер увидел налитые кровью глаза монахини.

- Марика?

Все, что успел услышать канцлер Гильгус – был гневный визг. Кадило очередной раз взмыло в воздух и ударило канцлера прямо по макушке черепа. Оглушенный старик рухнул на землю, и безумная монахиня набросилась на него, нанося сокрушительные удары своим импровизированным оружием. Его крики о пощаде и помощи остались без ответа, а Марика стала единым целым со своей сверхъестественной яростью.

Браун Мензель упер ботинок в ковш лопаты и с силой втолкнул его в землю. Звук удара лопаты о землю доставлял ему удовлетворение. Не было ничего лучше звука удара заостренной пластали по земле мира-кладбища. Гробовщику требовалось что-то, что будет поддерживать его силы для продолжения работы. Его плечи горели, а спина болела. Могила была еще не выкопана и ему потребуется еще сто ударов лопатой о землю, чтобы закончить работу к концу недели. Легкие грузовые суда привезли множество трупов на Цертус-Минор. Покоиться рядом с останками Умберто II было привилегией, и, из года в год, количество тел лишь возрастало. Старшие офицеры Гвардии, командующие Имперского Флота, ублюдки из благородных Домов, торговцы, навигаторы, планетарная знать и набожные члены Экклезиархии были похоронены в святой земле Цертус-Минор. Браун выкапывал гробы и саркофаги для отправки родственникам в связи с истечением срока аренды кладбищенского участка. Непрерывный цикл закапывания и выкапывания покойников. Набросав значительную горку за спиной, Браун решил передохнуть. Он облокотился на черенок лопаты. Иногда гробовщик позволял своим сыновьям Яну и Отакару наблюдать за работой похоронных лихтеров, когда они вместе копали могилы. Для их тринадцати и пятнадцати лет юноши не испытывали особой радости по поводу жизни на мире-кладбище, и пределом их мечтаний было вступление в Похоронную Гвардию, чтобы в один прекрасный день отбыть с этого мира вместе с полком Имперской Гвардии. Но сегодня они не будут наблюдать за лихтером, только не тогда, когда к ним долетела весточка о прибытии ангелов императора на Цертус-Минор. Мальчишки увидели корабль космических десантников, когда он покидал Обсеку и рванули к Великим Озерам. Браун не ожидал их скорейшего возвращения.

Он протянул руку к надгробной плите, позади которой стояла пластиковая бутылка с молоком мула, которую Ян притащил из их лачуги. Его мать закупорила емкость крышкой, которую Браун собрался вытащить, чтобы смочить жидкостью свои пересохшие губы. Он сделал глоток и, поставив бутылку обратно, вытер рот грязным рукавом. Станный звук привлек его внимание: глухой, металлический стук.

- Мальчики? – позвал Браун.

Не услышав ответ, гробовщик ухватился за край ямы и стал вылезать наружу. На полпути к поверхности Браун заметил своего младшего сына Яна, валявшегося на земле. Браун похолодел.

- Ян! – закричал он.

Часть головы мальчика была пробита, и кровь пропитала священную почву мира-кладбища. Гробовщик стал карабкаться быстрее.

- Отакар! – позвал Браун.

Повернув голову, гробовщик увидел своего старшего сына, стоящего позади надгробной плиты. Он держал лопату, словно секиру, а глаза были налиты кровью.

- Сынок...

Лопата резко устремилась вниз, и голова гробовщика слетела с плеч. Она покатилась по земле, пока не остановилась рядом с телом Яна. Тело Брауна упало обратно в могилу. Глядя на тело своего отца и умирающего брата, Отакар Мензель чувствовал ярость, которую никогда не ощущал прежде. Крепко сжав древко лопаты. Он направился домой, где его ждала мать с молоком мула и улыбкой на лице, где его жажда крови будет вновь утолена.

Алосиус Моска почувствовал пинок тонким скипетром аббата. Моска не вызывался волонтером в этот молитвенный кордон. Капеллан его отделения наказал солдата за инцидент в оружейной. Он был частью команды братства, следившего за боеприпасами и оружием Похоронной Гвардии. Каждый лазмушкет, стаббер, обойма и пуля требовали смазки, и Моска выступил в спор, находясь рядом с этим смертоносным вооружением. Атмосфера накалилась, и он нанес пощечину своему товарищу. Это не должно было вылиться в драку, но его товарищ, который упал и ударился о ящик с боеприпасами, был другого мнения и доложил о случившемся капеллану. Назначение в молитвенный кордон было идеей капеллана, как часть духовного искупления Моски. Как и тысячу других назначенных и нескольких волонтеров Моску вели вдоль могильной аллеи Великой Вечности Востока. Когда они прибыли на пост Пятый Круг, рядом с небольшой деревней Маленький Пульхер, Моске и его братьям завязали глаза и направили к берегам озера Чистоты. Он услышал ритмичный шум насосов вдалеке. Доведя их до озера, им приказали повернуться и взяться за руки. Моска мог лишь догадываться, что они образуют нерушимый молитвенный круг вокруг проклятого артефакта, найденного на иссушенной поверхности озера. В самом братстве ходили слухи об этом камне. Будто с ним были связаны расхищения гробниц, поклонения дьяволу и исчезновения людей с аллей некрополиса и близлежащих провинций. Аббаты проходили мимо и выкрикивали ругательства и угрозы, кордон, пока молящиеся орали гимны и литургии.

- Пой, скотина, - приказал аббат, стоявший позади него. – Я хочу, чтобы сам Бог-Император услышал тебя.

Моска узнал голос. Глубокий баритон принадлежал жирному ублюдку, которого Моска помнил еще с прогениума. Он также помнил тумачи, которые он получал от священника, и ротанг, который тот использовал для ударов по пяткам и ладоням хористов.

Глаза Моски задвигались под повязкой. Его рот, певший до этого гимн «Великий Бог-Император, Пастырь душ», замолчал. Губы сжались. Ноздри расширились. Зубы начали скрежетать друг о друга от старых воспоминаний. Моска разжал руки. Один из его друзей по несчастью попытался снова схватить его ладонь, движения второго были вялыми, словно тот прибывал в состоянии сна. Сорвав повязку со своего перекошенного лица, Моска явил свои налитые кровью глаза. Дотянувшись до полов своей рясы, житель мира-кладбища ощутил прилив ярости. Подавшись назад, Моска выхватил тяжелый стаббер, взятый из бараков и спрятанный под рясой. Развернувшись, он яростно нажал на спусковой крючок. Ствол танцевал в его руках, но с такого расстояния промахнуться было невозможно, и снаряды стаббера прошли священника насквозь. Окрасив белые одежды в красный цвет, аббат рухнул на землю. Словно наездник, умиротворяющий мула, Моска стал крутиться, одновременно посылая град пуль в спины участников кордона. В результате последовавшей бойни кордон стал распадаться. Люди кричали и пытались убежать, но падали, скошенные огнем стаббера. Издав яростный рев гнева, переполнявшего его, Моска сконцентрировал огонь на убегающих цертусианцах, шквал пуль достигал их прежде, чем они успевали скрыться за камнями и статуями. Убив всех участников кордона, Моска повернулся к монументу, чтобы насытиться его излучениями. Сквозь кроваво-красную пелену он видел лишь величественность этого артефакта. Он призывал его и подпитывал ярость монаха. Воздев оружие в небо, Моска выпустил еще одну очередь, чтобы почтить резню и уничтожение. Он не заметил как пуля, выпущенная членом Похоронной Гвардии, прошла мимо него. Он был потерян для этого мира, пока меткий выстрел не настиг его, пробив череп Моски и принеся ему спокойствие.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667597>